

НАЦИЗМ

НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Егор Яковлев, Александр Дюков
М. Джабара Карлей, Владимир Симиндей

Александр Дюков

**Нацизм на оккупированных
территориях Советского Союза**

«Питер»

2023

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)722

Дюков А. Р.

Нацизм на оккупированных территориях Советского Союза /
А. Р. Дюков — «Питер», 2023

ISBN 978-5-00116-898-0

«Речь о борьбе на уничтожение... Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке сама жестокость — благо для будущего». Эти слова за три месяца до нападения на Советский Союз произнес Адольф Гитлер. Многие аспекты нацистской истребительной политики на оккупированных территориях СССР до сих пор являются предметом научных дискуссий. Были ли совершенные на Востоке преступления результатом последовательно осуществлявшегося плана? Чем руководствовались нацисты — расовыми предрассудками или казавшимися рациональными экономическими и военными соображениями? Какие категории населения СССР становились целью преступных действий нацистов и почему? Ответы на эти и другие вопросы дают историки из России, Германии, Великобритании, Канады, Латвии и Белоруссии. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)722

ISBN 978-5-00116-898-0

© Дюков А. Р., 2023
© Питер, 2023

Содержание

Истребительная политика: от идеологии к планированию	6
Нацистская идеология и планирование «войны на уничтожение» против Советского Союза[1]	6
Совещание в Вевельсбурге, план голода и «окончательное решение»: истоки нацистского замысла о геноциде народов СССР	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

**Егор Яковлев, Александр Дюков, М.
Джабара Карлей, Владимир Симиндей
Нацизм на оккупированных
территориях Советского Союза**

© ООО Издательство "Питер", 2023

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Истребительная политика: от идеологии к планированию

Нацистская идеология и планирование «войны на уничтожение» против Советского Союза¹

Александр Дюков

«РЕЧЬ ИДЕТ о борьбе на уничтожение... Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке сама жестокость – благо для будущего» (Гальдер, 1969: 430–431). Эти слова за три месяца до нападения на Советский Союз произнес Адольф Гитлер, фюрер и рейхсканцлер Третьего рейха, глава Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП). Воскресным днем 30 марта 1941 г. он выступил на проходившем в Берлине секретном совещании; в огромном зале перед ним сидели 250 германских генералов. Это было высшее командование вермахта, командующие и начальники штабов армий и армейских групп, воздушных флотов и корпусов, бронетанковых и пехотных соединений – те, кому предстояло возглавить германские войска в походе на Восток. Среди них был и начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Франц Гальдер, законспектировавший в своем рабочем дневнике речь фюрера.

Пять лет спустя, в марте 1946 г., Гитлер уже был мертв, Третий рейх разгромлен, НСДАП распущена, а на проходившем в Нюрнберге Международном военном трибунале зачитывались многочисленные свидетельства о преступлениях, совершенных нацистами в ходе «войны на уничтожение» против Советского Союза. Предъявленные доказательства неоспоримо свидетельствовали о том, что преступления, совершенные нацистами на территории СССР, носили беспрецедентный по своим масштабам и жестокости характер; их было более чем достаточно для вынесения приговора в отношении представших перед трибуналом главных преступников.

Однако даже спустя десятилетия после завершения работы Международного военного трибунала в Нюрнберге многие вопросы, связанные с «войной на уничтожение», оставались не вполне понятными для общества. Были ли совершенные на Востоке преступления результатом последовательно осуществлявшегося плана? Был ли этот план исключительно продуктом извращенного сознания Гитлера, или он был результатом сотрудничества различных элитных групп? Какова была динамика нацистских преступлений? Чем руководствовались нацисты – расовыми предрассудками или казавшимися рациональными экономическими и военными соображениями? Какие категории населения СССР становились целью преступных действий нацистов и почему? Кто участвовал в преступлениях: только айнзацгруппы и другие формирования полиции и СД или также представители вермахта?

Для того чтобы сначала поставить эти (а также многие другие) вопросы, а затем попытаться дать на них аргументированные ответы, историкам понадобились многие десятилетия. Нацистская «война на уничтожение» оказалась весьма сложным и многоплановым явлением, а потому исследователи, как правило, сосредотачивались на изучении его отдельных аспектов. Немецкие историки по понятным причинам внесли наибольший вклад в историографию, детально исследовав нацистскую политику в отношении евреев (Моммзен, 2018; Aly, 2013) и советских военнопленных (Штрайт, 2009; Römer, 2008), место блокады Ленинграда в «войне на уничтожение» (Ганценмюллер, 2019), а также роль вермахта в планировании и осуществ-

¹ Работа над публикацией выполнена в рамках проекта Института российской истории РАН по созданию многотомной «Истории России с древнейших времен до наших дней».

лении преступлений на оккупированной территории СССР (Bette, 1999; Мюллер Н., 1974; Мюллер Р.-Д., 2012; Мюллер Р.-Д., 2016; Gerlach, 1999; Müller R.-D., Ueberschär, 1997; Wette, 2006)². Англо-американская историография, помимо изучения Холокоста (Вахсман, 2017; Рис, 2018; Холокост... 2005; Browning, 2004), сосредоточилась прежде всего на изучении экономической составляющей «войны на уничтожение» (Туз, 2018; Aly, 2007; Kay, 2011), а также выявлении ее идеологических основ, связанных с идеями социал-дарвинизма и колониализма (Bergman, 2012; Kakel, 2013a; Olusoga, Erichsen, 2010; Weikart, 2005; Westermann, 2016). К сожалению, уровень разработки темы «войны на уничтожение» в отечественной историографии остается довольно низким (Альтман, 2002; Загорулько, Юденков, 1980; Нацистская Германия против Советского Союза... 2015; Яковлев, 2017) и не находит практически никакого отражения в массовых общественных представлениях. То, что для современных западных исследователей давно является «общим местом», в нашей стране зачастую рассматривается как необычные и даже сомнительные идеи.

В настоящей статье предпринята попытка с учетом современной западной историографии описать процесс планирования нацистской «войны на уничтожение» против Советского Союза, обозначить его идеологические основы и принимавшие участие в планировании элитные группы. Нашей задачей является описание планов, имевшихся у нацистов, по состоянию на 22 июня 1941 г.; процесс их реализации и последовательной радикализации (см. Манн, 2016: 329–380)³ остается за рамками данной статьи.

І. Идеологические основы «войны на уничтожение»

Мысль о том, что «война на уничтожение» против СССР была в первую очередь войной идеологической, уже давно утвердилась в историографии (см. Müller R.-D., Ueberschär, 1997: 211–280). Массовые фашистские движения 1920–1930-х гг. (к каковым, вслед за классиком современной макросоциологии Майклом Манном, мы причисляем и национал-социализм) были радикальным воплощением в жизнь идей органического национализма и этатизма при помощи парамилитарного насилия (Манн, 2019). Неудивительно, что все фашистские движения были изначально склонны к насилию против врагов «нации»; идеология национал-социалистов, однако, содержала дополнительные опасные компоненты, развитие и взаимодействие которых породило идею «войны на уничтожение».

Ключевыми характеристиками национал-социализма являлись:

радикальный расизм, то есть рассмотрение «расы» как биологического феномена и представление о существовании иерархии «высших» и «низших» рас;

радикальный антисемитизм и неразрывно связанный с ним **радикальный антикоммунизм**, то есть представление о необходимости борьбы с «еврейством» и «еврейским большевизмом», якобы угрожающими существованию германского государства и всей германской «расы»;

радикальный антиславянизм, то есть представление о славянских народах как о неспособных к самостоятельному созидательному развитию;

колониальный экспансионизм, то есть представление о необходимости территориальной экспансии для приобретения германской «расой» так называемого жизненного пространства (Lebensraum).

² Чрезвычайно важным событием в историографии стала документальная выставка о преступлениях вермахта (см. Война Германии... 2002).

³ Вслед за британским социологом Майклом Манном мы исходим из того, что планы нацистов не были неизменными; они проходили фазы последовательной радикализации, причем радикализация шла не только «сверху вниз» (от лидеров к исполнителям), но и одновременно «снизу вверх» (от исполнителей к лидерам).

Все эти элементы нацистской идеологии были неразрывно связаны между собою; каждый из них являлся «объяснением» и «оправданием» остальных.

1. Радикальный расизм

Расизм германских нацистов был радикальным, но органичным развитием идей, характерных для европейских мыслителей XIX в. Еще в 1853 г. французский писатель и дипломат Жозеф Артюр де Гобино опубликовал книгу «Эссе о неравенстве человеческих рас». Существует иерархия рас, писал Гобино, на самом верху которой стоит «белая раса», которая превосходит все остальные в физической силе, красоте и интеллекте. Внутри «белой расы» самыми совершенными являются «арийцы», сохранившие чистоту крови и не смешивавшиеся с представителями других «рас» (Гобино, 2001; Тагиефф, 2009).

Идеи расового неравенства не были, разумеется, изобретены Гобино; их распространению в немалой степени способствовала колониальная экспансия европейских стран. Восприятие «туземных» народов как «низших» и «примитивных» было характерно для европейских колонизаторов (Манн, 2016: 166; Саркисянц, 2003; Empire, Colony, Genocide... 2008). Гобино лишь придал порожденным колониализмом расистским идеям стройную систему, оказавшуюся весьма востребованной, причем не только в колониях.

Расистские идеи Гобино были восприняты и развиты германскими нацистами. Рихард Вальтер Дарре, один из идеологов нацистского движения, в 1933 г. возглавивший министерство продовольствия Третьего рейха, констатировал: *«Если мировоззрение национал-социализма свести к его ядру, то таковым окажется расизм; можно сказать, что признание факта наследования человеческих свойств составляет суть национал-социализма»* (Пленков, 2017: 221). Современные исследователи отмечают, что традиционный для европейцев второй половины XIX – начала XX века колониальный расизм нацисты дополнили радикальным антисемитизмом и антиславянизмом (Prusin, 2012: 74).

Радикальный антиславянизм

Для Гитлера и его сторонников по НСДАП не было никаких сомнений: раса – это не культурное, а биологическое понятие. Они также были уверены, что представители германской «расы» находятся на вершине расовой иерархии, воплощая в себе «арийские» идеалы. На низших ступенях иерархии стояли славянские народы; идея об их принадлежности к «низшим расам» была сформулирована еще Гобино (Гобино, 2001: 604–608).

Однако у нацистов отношение к различным славянским народам на практике различалось довольно сильно. В трудах Гитлера и других нацистских идеологов не уделялось хоть сколь-нибудь значительного внимания южным и западным славянам, включая поляков (Connolly, 1999: 10–11). А вот в отношении восточнославянских народов (по выражению Гитлера, «*славян русской национальности*») (Hitlers zweites Buch... 1961: 158–159) подход был совершенно определенным. В полном соответствии с мнением, некогда высказанным Гобино, эти народы считались неспособными к созданию собственной государственности и вообще созидательному развитию. *«Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству, – писал Гитлер в 1924 г. – Всем этим Россия обязана была германским элементам – превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы... В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения»* (Hitler, 1943: 742).

Наиболее неполноценным из всех славянских народов в рамках данного мировоззрения оказывались русские, о расовых дефектах которых, с точки зрения нацистов, свидетельствовало установление в России «большевистского» режима. Как отмечал в своей книге «Миф XX века» один из ведущих нацистских идеологов Альфред Розенберг, *«большевизм мог добиться власти лишь благодаря расовой и психологической болезни народного тела»* (Rosenberg, 1942: 214). В рамках этой перспективы русские оказывались не просто принадлежащими к «низшей

расе»; для нацистов это был наименее ценный из всех славянских народов. Впрочем, стоит отметить, что нацистские представления о русских в основе своей не слишком отличались от представлений среднего немецкого обывателя. К тому времени, как отмечают современные исследователи, *«среди немцев, даже образованных, сложились определенные стереотипы русских: русские – нецивилизованные (Naturmenschen), коллективные существа (Kollektivwesen) и лишены индивидуальности (vermasst)»* (За рамками тоталитаризма... 2011: 551).

Украинцы (не в последнюю очередь благодаря усилиям того же Розенберга, характеризовавшего украинских националистов как *«наиболее мощную антимосковитскую группировку»*) (Политический дневник Альфреда Розенберга... 2015: 196) воспринимались как немного более ценный с расовой точки зрения элемент, превосходящий не только русских и белорусов, но даже и поляков (Lower, 2005: 27; Connolly, 1999: 14–15). С точки зрения нацистов, украинцы были миролюбивой, работающей и послушной национальной группой – идеальными рабами в будущем мире победившей расовой утопии, в которой существование «низших» народов имело, по словам Гитлера, *«одно-единственное оправдание – быть полезными для нас в экономическом отношении»* (Hitler's Table Talk... 2000: 424).

Радикальный антисемитизм

Если восточные славяне воспринимались нацистами как представители «низших рас», то евреи были из расовой иерархии исключены вовсе и рассматривались как «недочеловеки».

Представления о евреях как «недочеловеках» были заимствованы нацистами уже не у Гобино, а у необычайно популярного в Германии начала XX в. британского публициста Хьюстона Стюарта Чемберлена. Вслед за ним нацистские идеологи рассматривали «еврейство» как антитезу «арийству». По мнению Чемберлена, «арийцы» были творцами и носителями цивилизации, а евреи – негативной расовой силой, разрушительной и вырождающейся. Германские нацисты полностью разделяли эти воззрения (Рис, 2018: 18). Именно на евреев Гитлер и его соратники возлагали ответственность за политическую и экономическую нестабильность в мире, за поражение Германии в Первой мировой войне и послевоенную экономическую разруху. Именно евреи, с точки зрения нацистов, стояли и за западными парламентскими «плутократиями», и за советским «большевизмом»⁴. Этнический враг в нацистской идеологии сплетался с врагом политическим.

После прихода к власти в Германии нацистов проживавшие в стране евреи были лишены гражданских прав, подвергались дискриминации и «уголовным» преследованиям в рамках установленного нацистами законодательства, становились жертвами парамилитарного насилия, принуждались к эмиграции (Моммзен, 2018: 55–112). Системная дискриминация и принуждение к эмиграции – такими были первоначальные планы нацистов по отношению к проживавшим в Германии евреям.

В глазах нацистов подавление внутреннего расового врага было, впрочем, лишь частичным решением проблемы. Ведь существование продолжал главный, по мнению нацистов, внешний враг Германии и «арийской расы» – государство «еврейского большевизма», именуемое Советским Союзом. Евреи воспринимались нацистами как системообразующий элемент советского строя, одновременно и как правящая элита, и как «биологический корень» советской системы (Штрайт, 2009: 25). Эта точка зрения была четко озвучена рейхсфюрером СС Гиммлером уже после вторжения в СССР: *«На другой стороне стоит 180-миллионный народ, смесь рас и народов, чьи имена непроницаемы и чья физическая сущность такова, что единственное, что с ними можно сделать – это расстреливать без всякой жалости и милосердия... Этих людей объединили евреи одной религией, одной идеологией, именуемой большевизмом»* (Stein, 1984: 126–127).

⁴ Существенный вклад в подобное мнение внесли бежавшие из России белоэмигранты (см. Kellogg, 2005).

Современные исследователи признают, что в нацистской идеологии антисемитизм был самым тесным образом переплетен с антикоммунизмом (Рюруп, 1996: 363; Ферстер, 2009: 95); борьба против СССР означала борьбу с «еврейством» – и наоборот. Эту борьбу нацисты воспринимали как своего рода «последнюю битву». Еще в 1922 г. Альфред Розенберг, один из нацистских идеологов, заявлял, что в борьбе против «еврейского большевизма» существует «только один выбор – быть уничтоженным или победить» (Айххольц, 2002: 67). Аналогичные по своему содержанию высказывания озвучивались нацистским руководством и после нападения на Советский Союз. «Эта война – большая война рас. Будет ли здесь находиться германец и ариец или миром будет править еврей – вот о чем идет речь в конечном итоге, вот почему мы боремся», – говорил рейхсмаршал Герман Геринг, второй человек в нацистской Германии (Дюльффер, 2005: 8).

2. Колониальный экспансионизм

Однако необходимость борьбы с «еврейской угрозой» во имя защиты «арийской расы» была не единственной составляющей идеологии «войны на уничтожение» против Советского Союза. Своей целью нацисты объявляли создание расово чистого государства, которое на столетия вперед обеспечит благополучное существование «арийской расы». По мнению нацистов, для создания такого государства было необходимо расширить «жизненное пространство». Территории, занимаемые «низшими расами» (в первую очередь восточными славянами), следовало поставить на службу Третьему рейху. «Растущее население требует большего жизненного пространства», – разъяснял свою позицию Гитлер, выступая перед германскими генералами в ноябре 1939 г. – *Борьба должна вестись за это. Ни один народ не может избежать этой задачи, иначе он обречен на постепенную гибель. Отказ от применения насилия означает величайшую трусость, уменьшение численности народонаселения и деградацию* (IMT 1947. Vol. XXVI: 329).

Еще в самом начале своей политической карьеры Гитлер разъяснял, что «жизненное пространство» германской нации лежит на Востоке. «Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены», – писал он (Hitler, 1943: 742). Впоследствии фюрер неоднократно возвращался к этой идее. «Если Урал с его неизмеримыми сырьевыми ресурсами, Сибирь с ее богатыми лесами и Украина с ее необъятными полями окажутся в руках Германии, то Германия, ведомая национал-социалистами, ни в чем не будет знать недостатка», – говорил Гитлер в 1936 г. (Мюллер Р.-Д., 2016: 54).

В основе идеи о необходимости расширения «жизненного пространства» лежали традиционные для того времени рассуждения. Как отмечает современный исследователь экономической истории Адам Туз, «поглощенность Гитлера и его подручных проблемами “жизненного пространства”, продовольствия и сельского хозяйства воспринимается как *prima facie* свидетельство атавистичности и отсталости нацистов. Трудно представить себе более ошибочное суждение. Приобретение территорий и естественных ресурсов не было нелепой манией идеологов расизма. К тому же самому стремилась вся Европа на протяжении по крайней мере последних двухсот лет» (Туз, 2018: 231). Многие исследователи согласны с тем, что экономика Германии в то время действительно испытывала серьезные проблемы (Фолькманн, 1997: 74–86; Нацистская Германия против Советского Союза... 2015: 145–152); неудивительно, что идея завоевания «жизненного пространства» воспринималась как вполне рациональная стратегия далеко не только нацистами.

К тому же идеи колониального «натиска на Восток» не были чем-то новым и необычным для германского общества. Эти идеи озвучивались еще в кайзеровской Германии; первые же попытки реализации германской колонизационной кампании на Востоке относятся к периоду Первой мировой войны (Фишер, 2017: 278–287; Heinemann, Oberkrome, Schleiermacher, Wagne, 2006: 7–8). «После 1915 г., когда германская армия оккупировала Литву и некото-

рые районы Белоруссии, военная администрация стала реализовывать комплексный проект колонизации этих территорий, выселяя коренное население (которое, согласно этническому происхождению, было разделено на категории)», – отмечает историк Александр Прусин (Prusin, 2012: 75–76). Используемый кайзеровскими военными язык был очень характерен: восточные территории рассматривались ими не как «сложное переплетение земель и людей (*Land und Leute*)», а как «пространство и расы (*Raum und Volk*), которые должны быть подчинены германской власти и организации» (Lower, 2005: 21). Как отмечают современные исследователи, этот семантический сдвиг открывал путь к этническим чисткам (За рамками тоталитаризма... 2011: 238).

Нацисты, унаследовавшие идейный и практический опыт кайзеровских военных, радикализировали его и сделали одним из компонентов своей идеологии. Однако для нацистов были важны далеко не только идеи германского «натиска на Восток». Будущий «Остланд» родился из духа европейского колониализма XIX в., причем, как показывают новейшие исследования, важным образцом для подражания для нацистов был не столько германский опыт локального геноцида племен гереро и нама в Юго-Западной Африке, сколько британский опыт покорения Индии и опыт колонизации американского Дикого Запада (Lower, 2005: 19; Guettel, 2013; Kakel, 2013a; Kühne, 2013; Olusoga, Erichsen, 2010; Westermann, 2016; Zimmerer, 2005).

«Тем, чем Индия была для Англии, для нас будут территории России», – заявлял Гитлер уже после нападения на Советский Союз (Hitler's Table Talk... 2000: 24). В речах, посвященных освоению «жизненного пространства» на Востоке, он также неоднократно сравнивал население Советского Союза с индейцами. Перед нами, говорил он, «стоит лишь одна задача: осуществить германизацию путем ввоза немцев, а с коренным населением обойтись как с индейцами» (Саркисянц, 2003: 179). В другом выступлении Гитлер заявлял: «Нам придется прочесывать территорию, квадратный километр за квадратным километром, и постоянно вешать! Это будет настоящая индейская война» (Саркисянц, 2003: 179). Идея освоения «жизненного пространства» для нацистов была неразрывно связана с безжалостностью в отношении коренного населения. Уникальность этого подхода заключалась в том, что традиционные европейские колониальные практики нацисты собирались применить не в заморских землях, а в Восточной Европе.

3. Идеологический консенсус элит

Все основные компоненты нацистской идеологии: расизм, антисемитизм/антикоммунизм, антиславянизм и колониальный экспансионизм – были тесно переплетены между собой. Экстремальный антисемитизм нацистов мог отторгаться некоторыми консервативными представителями германских элит, считавших достаточной политику частичной сегрегации евреев (Манн, 2016: 350–351), однако более привычные и казавшиеся вполне рациональными идеи расизма, антикоммунизма и колониализма делали национал-социалистическую идеологию в основном приемлемой далеко не только для пламенных нацистов. Представления о русских как о представителях «низшей расы» также не были чисто нацистскими; как отмечают современные исследователи, «такое восприятие России и россиян стало своеобразным мостом, соединившим в одно целое предубеждения и психологию мелкой буржуазии с агрессивным расизмом» (За рамками тоталитаризма... 2011: 540).

Свою установочную речь о «борьбе на уничтожение» 30 марта 1941 г. Гитлер произнес перед высшим военным руководством. Как отмечают современные исследователи, на том совещании присутствовали «обыкновенные немецкие генералы»: для войны на Восточном фронте не отбирались особо надежные в идеологическом отношении командные кадры (Wette, 2006: 91). Несмотря на это, призыв Гитлера к «войне на уничтожение» не вызвал у германского генералитета хоть сколь-нибудь масштабного протеста. Напротив, как показывают современные исследования, германские военные были напрямую вовлечены в процесс подготовки провоз-

глашенной Гитлером «войны на уничтожение»⁵. Среди германских военных, разумеется, имелись радикальные нацисты⁶; однако и те, кто нацистами не были, в большинстве своем разделяли расистские и экспансионистские взгляды (Рюруп, 1996: 363)⁷. Чрезвычайно показательным, что к массовым убийствам на Востоке были напрямую причастны даже те германские военные, которые ближе к концу войны оказались вовлечены в заговор против Гитлера (Gerlach, 2000: 126–145).

Свой вклад в подготовку «войны на уничтожение» внесли не только военные. Подчинявшиеся рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру Главное управление имперской безопасности (РСХА) и созданное в октябре 1939 г. ведомство рейхскомиссара по вопросам консолидации немецкого народа (РКФ) также были вовлечены в подготовку «войны на уничтожение»; не остались в стороне и подчиненные рейхсмаршалу Герману Герингу высокопоставленные хозяйственники и представители экономических элит, так же, как и Гитлер, видевшие решение проблем германской экономики в завоевании «жизненного пространства» на Востоке.

Историки характеризуют нацистскую политико-административную систему как весьма разобщенную (За рамками тоталитаризма... 2011: 106) и даже хаотичную (Пленков, 2017: 445); однако принадлежность ответственных за разработку планов «войны на уничтожение» чиновников к различным ведомствам не препятствовала активному обмену идеями и налаживанию практического сотрудничества. Общие идеологические представления помогали межведомственному взаимодействию; в конечном счете военные, эсэсовцы и хозяйственники говорили на одном языке, языке национал-социалистической идеологии.

II. От идей к практике: оккупация Польши, 1939–1941

Первым полигоном практического воплощения в жизнь нацистской идеологии стали оккупированные в 1939 г. польские территории. Отношение к Польше у нацистов было не столь однозначным, как к СССР: вплоть до весны 1939 г. руководство Третьего рейха рассматривало это государство как возможного (и весьма важного) союзника в войне против Советского Союза (Мюллер Р.-Д., 2016: 63–87, 139–150; Rak, 2019). В этой ситуации идея о расовой «неполноценности» поляков, разумеется, официально не продвигалась (Connolly, 1999: 11). Однако когда надежды на совместные действия рухнули и в Берлине приняли решение о нападении на Польшу, именно идеологические представления нацистов предопределили судьбу захваченных территорий и их населения.

Как бы то ни было, поляки были славянами. Еще расовые идеологи XIX в. приписывали полякам те же отрицательные качества, что и русским: примитивность, жизнь в грязи, непреодолимые эмоции (Ян, 2014: 44). Нацисты, безусловно, разделяли эти стереотипы, но этим дело не ограничивалось. Поляки рассматривались ими как представители «низшей расы», занимающие необходимое для выживания немцев и подлежащее колонизации «жизненное пространство». Кроме того, в Польше проживало значительное количество евреев. С точки зрения нацистов, это создавало серьезную опасность, с которой необходимо было активно бороться.

10 февраля 1939 г., выступая перед германскими военачальниками, Гитлер определил будущую войну за жизненное пространство как *«чисто идеологическую войну, иными словами, абсолютно национальную и расовую войну»* (Ферстер, 2009: 98). Как отмечает британский историк Николаус Вахсман, *«Гитлер видел в войне с Польшей нечто большее, чем обычную*

⁵ Обзор современной германской историографии по данному вопросу см.: Ветте, 2005.

⁶ Содержательный обзор процесса нацификации вермахта представлен в: Ермаков, 2006.

⁷ О расистском мировоззрении германских генералов см.: Хюртер, 2005; 2013. Весьма показательным свидетельством этих расистских взглядов является недавно опубликованный в русском переводе дневник генерала Готхарда Хейнрици (Заметки о войне на уничтожение..., 2018).

военную кампанию. Его представление о поляках как о расовых противниках... способствовало превращению Польской кампании в первую расовую войну нацистов» (Вахсман, 2017: 191).

Для уничтожения «враждебных элементов» населения Польши рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером были созданы специальные подразделения – айнзацгруппы (оперативные группы). Их задачи были определены еще до нападения на Польшу, в июле 1939 г.: *«бороться со всеми элементами, враждебными рейху и немцам»* (Wildt, 2002: 426; Gładysiak, 2012). 19 сентября 1939 г. генерал Гальдер зафиксировал в рабочем дневнике перечень подлежащих «чистке» категорий населения Польши: *«евреи, интеллигенция, духовенство, дворянство»* (Гальдер, 1968: 125).

Уже в первые недели после германского вторжения айнзацгруппами было убито около 16 тыс. представителей польской интеллигенции и евреев; к концу 1939 г. общее число убитых достигло 60 тыс. человек (Рис, 2018: 174; Matthäus, 2015: 168). Уничтожение польской интеллигенции должно было облегчить нацистам освоение «жизненного пространства»; убийства, начатые айнзацгруппами, были продолжены в рамках так называемой *чрезвычайной акции по умиротворению* (известной в историографии как «акция АБ») (Wardzyńska, 2009; Madajczyk, 1988). На встрече с функционерами НСДАП 29 февраля 1940 г. рейхсфюрер СС Гиммлер оправдывал эти убийства, признавая их ужасный характер. *«Присутствовать при этом ужасе было страшным и отвратительным опытом для немца. Это так, и если бы это было иначе, он больше не был бы представителем германского народа»*, – говорил Гиммлер (Леви, 2019: 269–271). Массовые убийства были еще непривычны даже эсэсовцам.

Рейхсфюрер СС был ответственен не только за уничтожение «враждебных элементов». Фанатичный сторонник идеи освоения «жизненного пространства» на Востоке, в октябре 1939 г. он был назначен рейхскомиссаром по вопросам консолидации немецкого народа. В этой должности Гиммлер стал архитектором этнических чисток и колонизации оккупированных польских территорий (Kakel, 2013b: 48–49).

На части оккупированных польских территорий было создано так называемое генерал-губернаторство, другая часть была присоединена непосредственно к Германии в качестве административного образования Вартегау. И в Вартегау, и в генерал-губернаторстве поляки быстро поняли, что, как представители «низшей расы», они обречены на системную дискриминацию и тяжелый труд во имя процветания Третьего рейха. *«Отныне политическая роль польского народа закончена. Он объявляется рабочей силой, больше ничем, – заявил глава генерал-губернаторства Ганс Франк. – Мы добьемся того, чтобы стерлось навеки само понятие Польша»* (Польша в XX веке..., 2012: 286). В свою очередь, главнокомандующий сухопутными войсками фельдмаршал Вальтер фон Браухич констатировал: *«Этнополитические меры, которые принимаются по распоряжению фюрера для обеспечения безопасности немецкого жизненного пространства в Польше... неизбежно должны привести к тому, что в ином случае могло бы считаться необычными, жестокими мерами в отношении польского населения на оккупированной территории»* (Рис, 2018: 175).

В начале 1940 г. в Берлине планировали депортировать из Вартегау в генерал-губернаторство до 600 тыс. представителей «низших рас». В мае 1940 г. плановая служба РКФ уточнила: в ходе колонизации Вартегау необходимо было вывезти из региона 560 тыс. евреев (100 % населения области этой национальности) и 3,4 млн поляков (44 % населения области этой национальности). Выселение коренного населения Вартегау должно было растянуться на долгое время; по состоянию на конец 1940 г. число депортированных составило всего лишь 305 тыс., примерно половину из которых составляли евреи, а половину – поляки (Vom Generalplan Ost zum Generalsiedlungsplan..., 1994; Wasser, 1994; Prusin, 2012: 77–80; Туз, 2018: 593). Судя по записям рабочего дневника генерала Гальдера, в 1941 г. планировалась депортация не менее 560 тыс. евреев и поляков (Гальдер, 1969: 323).

Проживавшие на территории генерал-губернаторства евреи также оказались под ударом. Политика нацистов в отношении «еврейского вопроса» кардинально радикализировалась по сравнению с довоенным временем. Речь уже не шла об узаконенной дискриминации и принуждении к эмиграции. За осуществлявшимися айнзацгруппами и военнотрудовыми вермахта массовыми убийствами последовало создание гетто – своего рода резерваций для евреев. Гетто рассматривались как временное решение «еврейского вопроса» (Рис, 2018: 181), однако каким будет окончательное решение, в Берлине еще не знали. Начиная с лета 1940 г. в РСХА раздумывали над возможностью отправки евреев на Мадагаскар (Моммзен, 2018: 127–130; Browning, 2004: 81–89), однако этот химерический проект (заимствованный, кстати говоря, у французских и польских националистов) (Шмидт, 2018) был явно невыполним. В качестве другого варианта «окончательного решения» рассматривалась возможность сосредоточения евреев в резервации под Люблином. Как отмечалось в одном из отчетов, *«эта территория с ее крайне болотистой природой может... служить еврейской резервацией»*, которая *«может привести к значительному сокращению еврейского населения»* (Browning, 2004: 45).

Пока в Берлине обсуждали эти планы, в уже созданных еврейских гетто на территории Польши начался голод. *«Быстрое вымирание евреев для нас не имеет никакого значения, если не сказать, что оно желательно»*, – писал заместитель начальника гетто в Лодзи (Браунинг, 2010: 82). Впрочем, идею уничтожения голодом разделяли не все; некоторые оккупационные чиновники говорили о необходимости организации трудового использования заключенных в гетто евреев. В конечном итоге прагматика взяли верх; после этого, как отмечает Кристофер Браунинг, *«смертность в гетто стабилизировалась и даже несколько уменьшилась, однако угроза голода висела над гетто всегда»* (Браунинг, 2010: 83).

Все применявшиеся на территории оккупированной Польши практики: уничтожение «враждебных категорий» населения айнзацгруппами, выселение местных жителей и замена их германскими колонистами, дискриминация поляков и геттоизация евреев, последовательное пренебрежение вопросами продовольственного снабжения представителей «низших рас» – впоследствии в значительно радикализованном виде были использованы в «войне на уничтожение» против СССР. Использование этих практик в Польше не вызвало каких-либо значительных протестов у представителей германских политических, экономических и военных элит. Отдельные германские военные возражали против массовых убийств во время «польской кампании» в сентябре 1939 г., однако таких людей было немного. Как отмечает современный германский исследователь, *«уже в 1939 г. генералы вермахта были готовы принять идеологически обоснованное насилие против гражданского населения как характерную черту этой войны»* (За рамками тоталитаризма..., 2011: 246). Экономисты же, как и представители РСХА и РКФ, были прямо вовлечены в процесс нацистского освоения «жизненного пространства» в Польше.

III. Планирование «войны на уничтожение» против СССР

Когда 30 марта 1941 г. Гитлер заявил о том, что война против СССР будет «войной на уничтожение», он не встретил возражений. И военные, и эсэсовцы, и экономисты уже имели специфический практический опыт и готовность его использовать. Каждая из перечисленных групп внесла свой существенный вклад сначала в планирование, а затем и в осуществление «войны на уничтожение». О распределении между ними сфер ответственности незадолго до нападения на Советский Союз написал немецкий офицер генерального штаба: *«Вермахт: уничтожение врагов; рейхсфюрер СС [Гиммлер]: политическая и полицейская борьба с врагами; рейхсмаршал [Геринг]: экономика; Розенберг: полит[ическая] реорганизация»* (Hartmann, 2013: 180). Упомянутый офицером нацистский идеолог Розенберг не участвовал в организа-

ции нацистского режима на оккупированных территориях Польши, однако успел присоединиться к планированию войны на Востоке.

Германский историк Кристиан Хартманн справедливо назвал перечисленные элитные группы «*четырьмя опорными столбами*» нацистской оккупационной политики на Востоке» (Hartmann, 2013: 180); ниже мы попытаемся показать, какой вклад они внесли в планирование «войны на уничтожение».

1. Высшее военное руководство: преступные приказы

Стартом к военному планированию войны против СССР послужило состоявшееся 31 июля 1940 г. выступление Гитлера перед представителями высшего военного командования. *«Россия должна быть ликвидирована. Срок – весна 1941 года»*, – зафиксировал слова фюрера начальник Генерального штаба сухопутных войск Гальдер (Гальдер, 1969: 80–81). Последовавший за этим процесс разработки плана нападения на Советский Союз детально описан исследователями (Мюллер Р.-Д., 2016: 287–306). 18 декабря 1940 г. директива № 21 «План “Барбаросса”» была подписана Гитлером. Согласно этому документу, Советский Союз планировалось разбить в ходе кратковременной кампании, к концу которой германские войска должны были выйти на линию Архангельск – Волга – Астрахань. Поскольку Советский Союз в рамках нацистской идеологии рассматривался как государство, в котором евреи управляют неполноценными «низшими расами», в Берлине были уверены, что одержать победу будет не слишком сложно.

После утверждения Директивы № 21 военное командование приступило к разработке планов организации управления захваченными восточными территориями. Первый вариант документа, известного как «Инструкция об особых областях», был разработан в штабе оперативного руководства верховного главнокомандования вооруженных сил Германии (ОКВ) и в первых числах марта 1941 г. был предоставлен на рассмотрение Гитлера. Однако фюрер вернул документ на доработку. Сформулированные военными предложения по введению на оккупированных территориях традиционного режима военно-административного управления противоречили концепции «войны на уничтожение» – и фюрер обратил на это внимание.

На основании полученных от Гитлера указаний начальник оперативного управления штаба ОКВ Альфред Йодль отдал распоряжение об изменении плана. Зона военного управления на Востоке (прифронтовая зона) должна была максимально сократиться; кроме того, в ней с целью уничтожения «враждебных» групп населения должны были действовать подчиненные рейхсфюреру СС подразделения, в чьи задачи входило *«немедленное обезвреживание всех большевистских главарей и комиссаров»* (Fall Barbarossa..., 1970: 285–287).

13 марта 1941 г. переработанный план был утвержден начальником штаба ОКВ фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем под названием «Инструкция об особых областях к Директиве № 21». Инструкция гласила: *«На театре военных действий рейхсфюрер СС получает, по поручению фюрера, специальные задачи по подготовке политического управления, которые вытекают из окончательной и решительной борьбы двух противоположных политических систем. В рамках этих задач рейхсфюрер СС действует самостоятельно, на свою ответственность... Рейхсфюрер СС должен обеспечить, чтобы выполняемые им задачи не мешали ходу боевых действий»* (ИМТ 1947. Vol. XXVI: 54). Исследователи отмечают, что результатом «Инструкции об особых областях» стало *«планирование этой войны как войны на уничтожение»* (Hartmann, 2013: 182).

В тот же день военные начали согласовывать с ведомством рейхсфюрера СС вопрос о порядке действий айнзацгрупп в прифронтовой зоне (Штрайт, 2009: 31). Опыт использования подобных подразделений в ходе «польской кампании» был хорошо известен. В более позднем документе официальные задачи айнзацгрупп были сформулированы следующим образом: *«Задача полиции безопасности и СД заключается в выявлении всех противников империи и борьбе с ними в интересах безопасности армии. Помимо уничтожения активных противников,*

все остальные элементы, которые в силу своих убеждений либо своего прошлого при благоприятных условиях могут оказаться активными врагами, должны устраняться посредством превентивных мероприятий» (ИМТ 1947. Vol. XXXI: 493). Как и в Польше, уничтожению в первую очередь должны были быть подвергнуты представители элит. 17 марта 1941 г. генерал Гальдер записал рассуждения Гитлера: *«Насажденная Сталиным интеллигенция должна быть уничтожена. Руководящий аппарат русского государства должен быть сломан. В Великобритании необходимо применить жесточайший террор. Специалисты по идеологии считают русский народ недостаточно прочным. После ликвидации активистов он расслоится»* (Гальдер, 1969: 410).

К соглашению с СС военные пришли быстро. Уже 26 марта 1941 г. обер-квартирмейстер сухопутных сил генерал Эдуард Вагнер и глава РСХА Рейнхард Гейдрих подготовили согласованный документ, месяц спустя подписанный главнокомандующим сухопутных войск фельдмаршалом фон Браухичем и направленный в войска. Айнзацгруппы получили право *«в рамках своих задач под собственную ответственность осуществлять карательные меры в отношении гражданского населения»* (Штрайт, 2009: 32). Еще раньше главным командованием сухопутных сил были изданы «Специальные поручения для службы тыла», также посвященные вопросу взаимодействия с айнзацгруппами (Hartmann, 2013: 183).

Следующим шагом в сотрудничестве военных с ведомством рейхсфюрера СС стал подписанный 6 мая 1941 г. главой Верховного командования сухопутных сил (ОКХ) фельдмаршалом Вальтером фон Браухичем приказ «О комиссарах». В соответствии с этим приказом уничтожение политработников (комиссаров) во фронтовой зоне должно было осуществляться германскими войсками, а в тыловой зоне – айнзацгруппами. По справедливому замечанию Кристиана Штрайта, *«подобным решением военное руководство изъявило готовность возложить на действующую армию задачу истребления целой категории политических противников. Это была задача, которой до тех пор занималась лишь полиция безопасности Гейдриха»* (Штрайт, 1979: 35).

Приказом «О комиссарах» дело не ограничилось. 23 мая 1941 г. начальник штаба ОКВ фельдмаршал Кейтель утвердил приказ «О поведении войск в России». Согласно этому приказу, речь шла уже не только об уничтожении партийных работников и военнопленных, но об истреблении всех, кто оказывал сопротивление в какой бы то ни было форме. Приказ призывал войска к *«беспощадной и энергичной борьбе против большевистских подстрекателей, сопротивляющихся, саботажников, евреев, а также безоговорочному подавлению любого активного и пассивного сопротивления»* (Штрайт, 1979: 36). Как мы увидим дальше, даже ведомство рейхсфюрера СС проявляло больше осторожности в формулировке целей, чем верховное командование вермахта.

Приказ «О поведении войск в России» был не единственным документом, санкционировавшим избыточное насилие в отношении населения оккупированных территорий СССР. Десятью днями ранее, 13 мая 1941 г., фельдмаршал фон Браухич утвердил приказ «О военной подсудности в районе “Барбаросса” и об особых действиях войск».

Если в приказе «О комиссарах» речь шла об уничтожении одной из категорий военнопленных, то в приказе «О военной подсудности» – об уничтожении гражданского населения. В документе отмечалось: *«За действия против вражеских гражданских лиц, совершенных военнослужащими вермахта и вольнонаемными, не будет обязательного преследования, даже если деяние является военным преступлением или проступком»* (ИМТ 1947. Vol. XXXIV: 254). Еще один пункт приказа касался подсудности уже не немецких военнослужащих, а советских мирных жителей, оказавшихся на оккупированной территории: *«Преступления враждебных гражданских лиц вплоть до дальнейших распоряжений изымаются из подсудности военных и военно-полевых судов... В отношении населенных пунктов, в которых вооруженные силы подверглись коварному или предательскому нападению, должны быть немедленно применены*

распоряжением офицера, занимающего должность не ниже командира батальона, массовые насильственные меры, если обстоятельства не позволяют быстро установить конкретных виновников» (IMT 1947. Vol. XXXIV: 253).

Весьма емко о смысле этого приказа выразился германский историк Вольфрам Ветте: *«Каждый участник Восточного похода вермахта знал, что ему все позволено и он не предстанет перед военным трибуналом»* (Ветте, 1999). Отныне жителей СССР можно было убивать столь же безнаказанно, как некогда – австралийских аборигенов или американских индейцев. Гитлер не зря вспоминал об индейцах в своих речах; колониальные практики избыточного насилия как инструмента освобождения территории от «ненужного» туземного населения должны были найти применение в ходе «восточного похода». Современные исследователи отмечают: так же, как и приказ «О поведении войск в России», приказ «О военной подсудности» был направлен на воспитание в германских солдатах беспощадности и инициативы к убийствам, необходимых для ведения колониальной войны (За рамками тоталитаризма... 2011: 464). Это прекрасно понимали все заинтересованные лица; генерал Гальдер резюмировал смысл приказа «О военной подсудности» в своем рабочем дневнике: *«Войска должны вести на Востоке также и идеологическую борьбу»* (Гальдер, 1969: 507).

Опубликованные к настоящему времени документы показывают, что германские генералы не имели ничего против концепции «идеологической борьбы». Некоторые из них даже предвосхищали издаваемые ОКХ и ОКВ распоряжения. Начальник 4-й танковой группы генерал Эрих Гепнер 2 мая 1941 г. издал чрезвычайно показательный приказ, в котором неразрывно переплелись антикоммунизм, антисемитизм и антиславянизм. *«Война против России является важнейшей частью борьбы за существование немецкого народа. Это – давняя борьба германцев против славян, защита европейской культуры от московско-азиатского нашествия, отпор еврейскому большевизму. Эта борьба должна преследовать цель превратить в руины сегодняшнюю Россию, и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью. Каждый бой должен быть организован и проводиться с железной волей, направленной на безжалостное и полное уничтожение противника. Никакой пощады прежде всего представителям сегодняшней русской большевистской системы...»* (Wilhelm, 1991: 140).

2. Ведомство рейхсфюрера СС: еврейский вопрос и колонизация

В то время как военные издавали приказы, впоследствии охарактеризованные историками как преступные (Müller R.-D., Ueberschär, 1997: 210–211), ведомство рейхсфюрера СС готовилось внести свой вклад в «войну на уничтожение». Договоренность о взаимодействии айнзацгрупп с вермахтом была достигнута. Со второй половины мая личный состав айнзацгрупп проходил подготовку в Пограничной полицейской школе под Лейпцигом, одновременно шел процесс отбора и назначения руководящего состава (Browning, 2004: 225). Для ведомства рейхсфюрера СС был крайне важен «еврейский вопрос». Во время встреч с руководящим составом айнзацгрупп глава РСХА Рейнхард Гейдрих неоднократно напоминал о роли евреев как вдохновителей большевизма. По утверждениям некоторых исследователей, именно тогда глава РСХА отдал устное распоряжение ликвидировать всех евреев, в том числе и не состоявших в партии, потому что *«иудаизм стал источником большевизма и, следовательно, должен быть уничтожен»* (Пэдфилд, 2002: 310).

Официально, однако, это распоряжение оформлено не было. В изданном Гейдрихом уже после вторжения в СССР специальном приказе указывалось, что уничтожению подлежат не все евреи, а лишь *«члены партии и занятые на государственной службе, а также прочие радикальные элементы (диверсанты, саботажники, пропагандисты, снайперы, убийцы, поджигатели и т. п.)»* (Альтман, 2002: 198; Шнеер, 2005: 410). Это была заметно более осторожная формулировка, чем использовавшаяся военными в приказе «О поведении войск в России». Как замечает в этой связи Юрген Маттойс, *«изданные военными письменные приказы были*

более агрессивными и нацеленными на гражданских лиц, чем те, которые получили айнзац-группы» (Matthäus, 2015: 172).

Одновременно руководству айнзацгрупп было поручено организовывать истребление евреев руками антисоветских националистов. В подписанном Гейдрихом вскоре после вторжения в СССР приказе отмечалось: *«Стремлению к самоочищению антикоммунистических или антиеврейских кругов во вновь оккупированных областях не следует чинить никаких препятствий. Напротив, их следует – конечно, незаметно – вызывать, усиливать, если необходимо, и направлять по правильному пути, но так, чтобы эти местные “круги самообороны” позднее не могли сослаться на распоряжения или данные им политические гарантии. Такие действия по вполне понятным причинам возможны только в течение первого времени оккупации»* (Альтман, 2002: 218).

Под упомянутыми в распоряжении главы РСХА «антикоммунистическими и антиеврейскими кругами» подразумевались две связанные с германскими спецслужбами крупные антисоветские организации – Фронт литовских активистов (ЛАФ) и Организация украинских националистов. Обе эти организации, имевшие разветвленные подпольные сети на советской территории, по своей идеологии были не только антисоветскими, но и антисемитскими. По справедливому замечанию американского исследователя, *«в Прибалтике или на Западной Украине... антисемитские предрассудки националистов совпадали с предубеждениями германских чиновников»* (Browning, 2004: 252).

К моменту нападения Германии на Советский Союз и ОУН, и ЛАФ имели собственные планы «решения еврейского вопроса», в соответствии с которыми евреев посредством убийств следовало вынудить к бегству с территории Украины и Литвы. В основе своей эти планы были разработаны еще до начала Второй мировой войны. Планы кровавых этнических чисток евреев и поляков были сформулированы в подготовленной в 1938 г. «Военной доктрине украинских националистов» члена Краевой экзекутивы ОУН М. Колодзинского (Djukow, 2017). Литовские националисты, входившие в состав созданного в конце 1938 г. Союза литовских активистов, в июле 1939 г. просили у нацистских спецслужб финансирование на организацию погромов евреев (ИМТ 1947. Vol. XXXI: 385–391). В Берлине организацию еврейских погромов в Литве тогда сочли несвоевременной, однако участники Союза литовских активистов составили костяк созданного в 1940 г. ЛАФ и продолжили разработку антисемитских планов. Планы решения «еврейского вопроса» литовскими националистами были окончательно сформулированы в датируемой мартом 1941 г. инструкции ЛАФ «Указания по освобождению Литвы», а также в ряде антисемитских листовок (Дюков, 2012: 140–157; Дюков, 2015: 52–65). Антисемитские планы украинских националистов весной 1941 г. были сформулированы в инструкции «Борьба и деятельность ОУН во время войны» и ряде других документов (Дюков, 2009; Djukow, 2016: 223–246).

Антиеврейские планы националистов были, безусловно, известны руководству РСХА – и приветствовались им. Впервые мысль о привлечении боевиков ОУН к уничтожению «враждебных элементов» – евреев и представителей польской интеллигенции – возникла у нацистского руководства еще в сентябре 1939 г. (ИМТ 1947. Vol. II: 448, 478). Летом 1941 г. она снова оказалась востребованной. Уничтожение евреев чужими руками казалось Гейдриху хорошей идеей, позволяющей обойти все еще существовавшие моральные ограничения относительно массовых убийств по национальному принципу.

В ходе войны против Советского Союза убийства евреев должны были стать массовыми, однако «окончательное решение еврейского вопроса» ведомству рейхсфюрера СС виделось иначе. 26 марта 1941 г. во время встречи с Герингом Гиммлер представил план «окончательного решения». Проанализировав дошедшие до нашего времени документы, американский историк Кристофер Браунинг пришел к выводу, что на тот момент под «окончательным реше-

нием» подразумевалось принудительное переселение евреев из европейских стран на Восток – на территории бывшего Советского Союза (Browning, 2004: 104).

Переселение европейских евреев должно было стать одним из элементов преобразования завоеванного германским оружием «жизненного пространства». Подчиненное Гиммлеру РКФ, в 1940 г. уже разработавшее план колонизации оккупированных польских территорий, весной 1941 г. приступило к планированию освоения новых восточных территорий. Первый вариант документа, известного под названием «Генеральный план “Ост”», был завершен в июле 1941 г. К сожалению, он был утрачен во время войны, и потому его содержание остается неизвестным для историков (Туз, 2018: 597). Несомненно, однако, что в нем, как и в предыдущих, а также в последующих разработках РКФ, речь шла об изгнании с захваченных территорий миллионов представителей «низших рас» и о заселении на их место германских колонистов. Впрочем, вопреки распространенному в отечественной историографии мнению (Россия и СССР в войнах XX века..., 2001: 230), «Генеральный план “Ост”» не был нормативным документом, на основе которого осуществлялись нацистские преступления против населения Советского Союза. Он, безусловно, носил преступный характер, однако был обращен в довольно отдаленное будущее и касался проблемы послевоенной колонизации восточного пространства (Яковлев, 2017: 320). Не приходится отрицать, что о нацистском мышлении «Генеральный план» говорит очень многое; однако до практической его реализации дело не дошло.

3. Экономисты: план голода

Гораздо большее значение в рамках подготовки и проведения «войны на уничтожение» против СССР имела совокупность разработок и распоряжений, известная в современной историографии как «план голода» (Туз, 2018: 609; Gerlach, 1999: 46) или «политика голода» (Кау, 2011: 47). Их отцом стал статс-секретарь министерства продовольствия и сельского хозяйства Герберт Бакке. Подчиненный нацистского идеолога Рихарда Вальтера Дарре, Бакке и сам был ярким сторонником идеи «жизненного пространства». В середине 1940 г. он заявил о возникающих в рейхе проблемах с продовольствием: по его подсчетам, в текущем году около 17,2 млн жителей Германии должны были ощутить продовольственные затруднения из-за организованной Великобританией морской блокады. По мнению Бакке, покрыть недостатки продовольствия можно было только за счет Советского Союза, однако это возможно только в случае «сокращения потребления» (Кау, 2011: 38–39). Как показало дальнейшее, речь шла о сокращении потребления жителей советских территорий.

В январе 1941 г. Бакке был принят Гитлером; после этого он превратился в неформального лидера экономического планирования процесса колонизации оккупированных территорий СССР. Именно с ним, в частности, согласовывалось содержание подготовленной ОКВ «Инструкции об особых областях» (Fall Barbarossa..., 1970: 287).

Как и многие германские экономисты, Бакке понимал, что в СССР нет излишков продовольствия: сталинская индустриализация привела к быстрому росту городского населения, а следовательно – к росту пищевого потребления. Однако там, где остальные экономисты останавливались, констатируя, что даже в случае захвата плодородных земель Советской Украины Германия не получит существенных выгод, Бакке шел дальше. Его мысль была простой и, безусловно, импонирующей нацистскому руководству. Современный исследователь следующим образом излагает мысль Бакке: *«Для того чтобы излишки зерна на Украине направлялись непосредственно на удовлетворение потребностей немцев, нужно было просто исключить советские города из этой пищевой цепочки. После десяти лет сталинской урбанизации городскому населению на западе СССР предстояло просто умереть от голода»* (Туз, 2018: 610–611).

Идеи Бакке поддерживал генерал Георг Томас, начальник экономического управления ОКВ, считавший необходимым обеспечить снабжение участвующих в Восточном походе германских войск за счет ресурсов оккупированных территорий (Туз, 2018: 611). *«Русский чело-*

век привык приноравливать свои потребности к плохому урожаю... при населении 160 млн чел. даже небольшое снижение норм выдачи освободит большие массы зерна», – писал генерал Томас в феврале 1941 г. (Штрайт, 2009: 64–65).

Хотя «план голода» еще не был официально утвержден, германские военные запланировали уничтожение голодом советских военнопленных. В марте 1941 г. начальник управления по делам военнопленных ОКВ генерал-лейтенант Герман Рейнеке вызвал из военных округов начальников отделов по делам военнопленных и под большим секретом сообщил, что ориентировочно в начале лета Германия вторгнется на территорию Советского Союза и что в обращении с советскими военнопленными необходимо исходить из общей концепции войны на Востоке как идеологической и расовой войны.

Суть инструкций заключалась в том, что расово неполноценных русских нельзя содержать в тех же условиях, что англичан или французов. Соответственно, нормы питания должны быть меньше, а нормы выработки – больше. Организационная подготовка к созданию системы лагерей для советских военнопленных началась в середине апреля 1941 г.; к этому времени уже и средний офицерский состав был осведомлен, что советских пленных ожидает гораздо худшее по сравнению с военнопленными из других стран обращение. При этом, как отмечает Кристиан Штрайт, рационы, установленные для советских военнопленных, были значительно ниже прожиточного минимума (Штрайт, 2009: 83). Это неизбежно программировало массовую смертность среди военнопленных. У современных исследователей нет никаких сомнений, что подобный подход был прямым нарушением законов и обычаев войны (Стратиевский, 2014: 79–90).

2 мая 1941 г. генерал Вильгельм Шуберт, подчиненный генерала Томаса, фактически возглавлявший экономический штаб «Ост», провел совещание со статс-секретарями ряда министерств. На совещании обсуждались задачи экономического освоения оккупированных советских территорий (Кау, 2006: 685–700; Кау, 2008: 93–103). Зафиксированные в подготовленной по итогам совещания памятной записке основные тезисы будущей экономической оккупационной политики на Востоке совершенно явно восходили к идеям Бакке и Томаса. В памятной записке отмечалось:

«1. Войну можно будет продолжать только в том случае, если все вооруженные силы Германии на третьем году войны будут снабжаться продовольствием за счет России.

2. При этом, несомненно, погибнут от голода десятки миллионов человек, если мы выведем из страны все необходимое для нас» (IMT 1947. Vol. XXXI: 84).

Американский исследователь Адам Туз характеризует этот документ следующим образом: *«Один из самых поразительных бюрократических протоколов в истории нацистского режима. Применяя куда более откровенные выражения, чем те, что когда-либо использовались применительно к еврейскому вопросу, все главные учреждения Рейха одобрили программу массовых убийств» (Туз, 2018: 612).*

23 мая 1941 г. в экономическом штабе «Ост» конкретизировали эти идеи. В разработанном Бакке и его помощниками (Ганценмюллер, 2019: 66) документе было запланировано, что германские войска блокируют поступление продовольствия из черноземных районов СССР в нечерноземные земли (лесную зону). Участь населения нечерноземных земель была для нацистов очевидна. *«Выделение черноземных областей должно обеспечить для нас при любых обстоятельствах наличие более или менее значительных излишков в этих областях. Как следствие – прекращение снабжения всей лесной зоны, включая крупные индустриальные центры – Москву и Петербург... Несколько десятков миллионов человек на этой территории станут лишними и умрут или будут вынуждены переселиться в Сибирь. Попытки спасти это население от голодной смерти путем отправки туда излишков из черноземной зоны могут быть осуществлены только за счет ухудшения снабжения Европы. Они могут подорвать возмож-*

ность Германии продержаться в войне и ослабить блокадную прочность Германии и Европы. По этому вопросу должна быть абсолютная ясность» (Verbrehen der Wehrmacht... 2002: 65).

Неделей позднее, 1 июня 1941 г., Бакке утвердил документ под названием «Папка окружного сельскохозяйственного фюрера», в которой суммировались все директивы по вопросу экономического освоения восточных территорий. Бакке отмечал: *«Хлебные излишки России определяются не размерами урожая, а тем, насколько велико собственное потребление. Этот факт является тем узловым пунктом, из которого надлежит исходить в наших хозяйственно-политических мероприятиях. Собственное потребление русских... должно быть снижено»* (Загорулько, Юденков, 1980: 59).

Бакке оценивал «избыточное население» Советского Союза в 20–30 млн человек (Туз, 2018: 612). 10 июня 1941 г. он встречался с рейхсфюрером СС Гиммлером для обсуждения вопросов эксплуатации оккупированных территорий и проинформировал его о «плане голода». Два дня спустя, 12 июня, выступая перед высшими чинами СС в замке Вевельсбург, Гиммлер заявил, что *«целью похода на Россию является сокращение числа славян на 30 миллионов человек»* (ИМТ 1947. Vol. IV: 485). Современные исследователи уверены, что названная Гиммлером цифра восходила к расчетам Бакке (Кау, 2011: 162–163; Яковлев, 2017: 235). К тому же источнику восходят и рассуждения Геринга в беседе с министром иностранных дел Италии графом Чиано: *«В этом году в России умрут от голода 20–30 миллионов человек. Возможно, и к лучшему, что временами приходится сокращать численность некоторых народов»* (Ганценмюллер, 2019: 68). Таким образом, замечает Адам Туз, вычисления Бакке превратились для нацистского руководства в общую точку отсчета (Туз, 2018: 612).

Характерно, что в своем выступлении в Вевельсбурге рейхсфюрер СС говорил о сокращении числа славян, подчеркивая тем самым расовый характер «плана голода». Историк Алекс Кей отмечает: *«Акцент на уничтожение славян показывает, что, хотя в основе плана уморить миллионы голодной смертью лежала экономическая мотивация, именно расовые соображения сняли все сомнения о допустимости подобного шага. Невозможно представить подобный консенсус между военной и политической элитой по поводу французского или норвежского населения»* (Кау, 2012: 112).

4. Ведомство Розенберга: разделяй и властвуй

Рейхсфюрер СС Гиммлер характеризовал население Советского Союза как *«смесь рас и народов, чьи имена произносимы»* (Stein, 1984: 126–127). Такой взгляд был присущ не только эсэсовцам; военные и экономисты, как правило, также не придавали особого значения тому, что именно за народы обитают на Востоке. Эти народы в целом рассматривались как принадлежащие к «низшей расе», неспособные к самостоятельному государственному существованию и жестоко поработанные «еврейством». Однако экспансионистская компонента нацистской идеологии не позволяла смотреть на народы СССР лишь как на примитивных дикарей, для которых освобождение от «еврейства» и германское господство станут безусловным благом. Населявшие Советский Союз народы занимали «жизненное пространство», необходимое для благополучия Германии и «арийской расы», – и потому должны были стать объектом «плана голода». Ведь в конечном итоге рейху нужны были земли, а не населяющие их туземцы.

Впрочем, в нацистском руководстве был человек, ратовавший за проведение более дифференцированной политики в отношении населяющих СССР народов. Как ни странно, этим человеком был не кто иной, как Альфред Розенберг. Высокопоставленный нацистский идеолог, автор многочисленных антисемитских и антирусских текстов, ненавистник христианской религии и один из главных пропагандистов идей расовой иерархии, Розенберг считал необходимым делать ставку на поощрение межнациональной розни и сепаратистских движений в СССР, на политику «разделяй и властвуй».

Борьба против Советского Союза была для Розенберга не только борьбой против «еврейского большевизма», но и борьбой против способного возродиться после поражения

СССР «московского империализма». Русский народ воспринимался Розенбергом как больной (Rosenberg, 1942: 214), а Московия – как ядро и символ *«русско-монгольской отсталости»* (Dallin, 1981: 47). А потому естественными союзниками в борьбе с «еврейским большевизмом» и Москвией в глазах нацистского идеолога становились представители разнообразных сепаратистских движений.

Идеологические воззрения дополнялись рациональными соображениями. *«При оценке положения вещей мы стояли перед выбором: посредством по необходимости жестокого и одиозного для всех обращения сделать врагами 120 миллионов [человек] или посредством разделения и дифференцированного обращения сделать впоследствии половину своими помощниками»*, – писал Розенберг (Политический дневник Альфреда Розенберга..., 2015: 310).

Неизвестно, когда Розенберг подключился к планированию войны против Советского Союза, однако в датируемых началом марта 1941 г. замечаниях Гитлера к первому варианту разработанной ОКВ «Инструкции об особых областях» его идеи звучат совершенно явно (Fall Barbarossa... 1970: 285–287). Судя по дошедшим до нас документам, к концу марта 1941 г. юрисдикция Розенберга в отношении вопросов, связанных с будущими территориями на Востоке, признавалась Герингом (Browning, 2004: 104, 236).

27 марта 1941 г. во время встречи с фюрером Розенберг огласил свое видение политического будущего на Востоке после поражения Красной Армии: *«Балтика – протекторат, Украина самостоятельна, в союзе с нами»* (Политический дневник Альфреда Розенберга..., 2015: 287). Развернутое изложение своих планов он дал в докладной записке от 2 апреля 1941 г. На территории СССР им было выделено семь основных географических единиц: «Великороссия», Белоруссия, прибалтийские страны, Украина, Донская область, Кавказ и Туркестан. Розенберг выступал за *«поощрение к национальной независимости вплоть до потенциального создания собственной государственности»* Украины, говорил о возможности создания отдельных государств в Белоруссии и Донской области. Прибалтика должна была быть германизирована и впоследствии присоединена к рейху; судьбы Кавказа и Туркестана оставались неопределенными. А вот «Великороссия», она же «Московия», должна была быть максимально ослаблена: государственный аппарат следовало полностью уничтожить, значительные территории – отторгнуть и передать Белоруссии, Украине и Донской области, а оставшиеся – подвергнуть жестокой экономической эксплуатации. Кроме того, именно в «Московию» должны были депортироваться «враждебные» и «нежелательные» элементы из других оккупированных территорий СССР – в том числе представители национальной интеллигенции из прибалтийских стран (IMT 1947. Vol. XXVI: 547–554). По всей видимости, «Московия» же должна была стать местом для депортации евреев из Европы, запланированной ведомством рейхсфюрера СС в рамках территориального «окончательного решения еврейского вопроса»; Розенберг был осведомлен об этой разработке (Browning, 2004: 104).

Несмотря на то что планы Розенберга не вполне совпадали с видением Гитлера (во время выступления перед руководством германской армии 30 марта фюрер объявил, что протектораты будут созданы не только в Прибалтике, но и на Украине и в Белоруссии) (Гальдер, 1969: 430), докладная записка, судя по всему, произвела серьезное впечатление. В тот же день Розенберг был назначен уполномоченным по централизованной обработке вопросов восточноевропейской территории – то есть, иными словами, ответственным за политические преобразования на Востоке. *«Розенберг, теперь настал ваш час!»* – сказал Гитлер, сообщая о назначении (Политический дневник Альфреда Розенберга... 2015: 290).

Следующие несколько недель сотрудники Розенберга дорабатывали планы восточной политики. Оккупированную территорию СССР планировалось разделить на четыре рейхс-комисариата: «Остланд» (Прибалтика и Белоруссия), «Украина» (Украина и Донская область), «Московия» и «Кавказ» (IMT 1947. Vol. XXVI: 555–560). При этом мыслей о возможности создания «украинского государства» и поддержки «украинского самосознания» в противо-

вес русским Розенберг не оставлял. В датированной 7 мая 1941 г. инструкции рейхскомиссару Украины выделялись два приоритета нацистской политики: *«Целью работы германского рейхскомиссара по Украине является прежде всего обеспечение Германской империи продовольствием и сырьем в целях усиления германского военного руководства, а затем – создание свободного украинского государства в тесном союзе с Великогерманской империей»* (ИМТ 1947. Vol. XXVI: 567). На территории «Московии», напротив, планировалось ввести как можно более жесткий оккупационный режим. *«Данная оккупация должна носить совершенно иной характер, нежели в остзейских провинциях, на Украине и на Кавказе. Она должна быть направлена на подавление всякого русского и большевистского сопротивления и потому нуждается в людях невосприимчивых, в составе как военного представительства, так и потенциально – политических руководящих органов. Вытекающие из этого задачи пока нет необходимости здесь перечислять»*, – писал Розенберг в приложении к докладной записке от 7 апреля 1941 г. (ИМТ 1947. Vol. XXVI: 557).

Продвигаемая Розенбергом концепция освоения «восточного пространства» явно противоречила разработкам контролируемого Гиммлером РКФ. Представления Розенберга и Гиммлера о том, кто должен играть на Востоке главную роль, а кто – роль вспомогательную, также принципиальным образом различались. Розенберг изливал свое негодование на страницы дневника (Политический дневник Альфреда Розенберга..., 2015: 299–302), однако держать верх в этом конфликте не мог.

Впрочем, с остальными участниками планирования войны против СССР Розенбергу удалось выстроить прочные рабочие отношения. Судя по дневнику, Розенберг был осведомлен о разработанном Бакке и генералом Томасом «плане голода» и обсуждал его на встречах с фюрером (Политический дневник Альфреда Розенберга..., 2015: 302). Сотрудники ведомства Розенберга участвовали в совещаниях экономического штаба «Ост», а также консультировались с Бакке (Кау, 2006: 692–693).

Прямая отсылка к разработанному Бакке «плану голода» прозвучала в речи, произнесенной Розенбергом за два дня до нападения на СССР: *«Прокорм немецкого народа вне сомнения стоит во главе угла, если речь идет о немецких требованиях на Востоке. И здесь южные районы и Северный Кавказ найдут резервы для прокорма немецкого народа. Но мы не видим нашего долга в том, чтобы из районов с переизбытком [сельскохозяйственной продукции] кормить также и русский народ. Мы знаем, что это жестокая необходимость, заставляющая забыть о любых чувствах. Без сомнения, окажется необходимой огромная эвакуация, и русский народ ожидают тяжелые годы»* (ИМТ 1947. Vol. XXVI: 622).

Розенберг был готов использовать украинцев и представителей других советских национальных меньшинств для борьбы против «еврейского большевизма» и «Московии». Однако он не испытывал никаких сомнений относительно необходимости уничтожения голодом миллионов представителей других «низших рас» – евреев, русских и представителей национальной интеллигенции прибалтийских стран. Историк Игорь Петров справедливо замечает: *«сравнение дневника [Розенберга] с другими доступными источниками показывает, что Розенберг вполне следовал общей линии на массовые убийства посредством измора, отказа от снабжения и депортаций»* (Политический дневник Альфреда Розенберга..., 2015: 16–17). Аналогичной точки зрения относительно вклада Розенберга в «войну на уничтожение» придерживаются и другие исследователи (Штрайт, 2009: 67–68; Кау, 2006: 691–693).

Розенберг разделял общий для германских элитных групп консенсус относительно методов освоения пространства на Востоке, однако считал необходимым дифференцированный подход к выбору жертв. С его точки зрения основной жертвой массовых депортаций и «плана голода» помимо евреев должны были стать не славяне вообще, а в первую очередь русские («москвиты»). *«В отличие от Прибалтики, Украины и Кавказа центральная часть России предназначалась для разграбления и долгосрочного истребления людей. В будущей германской*

восточной империи русским “недочеловекам” не было места», – резюмирует планы Розенберга германский историк Рольф-Дитер Мюллер (Мюллер Р.-Д., 2012: 239).

5. Цели и задачи «войны на уничтожение»

Как видим, по своим целям нацистская война против СССР выходила за рамки классических вооруженных конфликтов. Ключевые элементы нацистской идеологии – расизм, антисемитизм/антикоммунизм, аниславянизм и колониальный экспансионизм – запрограммировали специфические цели нацистской войны против СССР. Ими стали:

- уничтожение государственности Советского Союза;
- захват новых территорий для их последующей колонизации и эксплуатации в соответствии с концепцией расширения «жизненного пространства» германской нации.

Для реализации этих целей на стадии подготовки нападения на Советский Союз политическим, экономическим и военным руководством нацистской Германии были разработаны и доведены до исполнителей специальные директивные документы, санкционировавшие:

физическое уничтожение «враждебных» групп, рассматриваемых как защитники советского строя (к таковым в первую очередь причислялись сотрудники государственного аппарата, партийные активисты и состоявшие на государственной службе евреи);

применение германскими войсками безнаказанного избыточного насилия в отношении советских военнопленных и мирного населения (как славян, так и, прежде всего, евреев);

организацию массовой смертности от голода военнопленных и мирного населения (как евреев, так и, прежде всего, славян).

Эти документы заранее предопределили характер нацистской «войны на уничтожение» против СССР; по справедливому замечанию Кристиана Хартманна, *«только небольшое количество особо тяжких преступлений немцев, которые проявились лишь в ходе войны, не вырисовывались уже тогда... Остальное же было запланировано с самого начала»* (Hartmann, 2013: 178).

Совещание в Вевельсбурге, план голода и «окончательное решение»: истоки нацистского замысла о геноциде народов СССР

Егор Яковлев

7 января 1946 г. на Нюрнбергском процессе состоялся допрос обергруппенфюрера СС **Эриха фон дем Бах-Зелевского** (Жуков, Ковтун, 2021: 5–132)⁸. Этот эсэсовский генерал оказался едва ли не самым везучим палачом среди всех, кто подвизался на службе у Третьего рейха. Несмотря на то что руки его по локоть были в крови, перед международным трибуналом он предстал не как подсудимый, а как свидетель обвинения. Бах-Зелевский – наместник рейхсфюрера СС **Генриха Гиммлера** в Белоруссии и Центральной России, который методично уничтожал евреев и рьяно сжигал деревни со всем населением, сдался американской армии и сразу же изъявил готовность *сотрудничать*. Выжить ему помогли исключительная изворотливость и откровенные показания против элиты нацистской Германии. Среди прочего бывший обергруппенфюрер сообщил о совещании в замке Вевельсбург, состоявшемся незадолго до начала войны против Советского Союза: на этой встрече глава СС сказал своим ближайшим соратникам, что *«целью похода на Россию является сокращение числа славян на 30 миллионов человек»* (IMT⁹. Vol. IV: 482)¹⁰.

По понятным причинам эти слова вызвали особый интерес у советской стороны. На прямой вопрос прокурора Юрия Покровского, выполнялась ли истребительная установка Гиммлера немецкими властями на практике – в частности, под прикрытием антипартизанских операций, свидетель ответил утвердительно: *«Я считаю, что эти методы действительно привели бы к истреблению 30 миллионов, если бы их продолжали применять и если бы ситуация не изменилась в результате развития событий»* (IMT. Vol. IV: 485).

Адольф Гитлер и многие из его окружения были уже мертвы, и обвинители пытались добиться подтверждения сенсационной информации от главного нациста, сидевшего на нюрнбергской скамье подсудимых, – рейхсмаршала **Германа Геринга**, бывшего преемника фюрера, руководителя нацистской экономики и люфтваффе. Тот, однако, не собирался ни в чем признаваться. Когда главный обвинитель от СССР Р.А. Руденко задал вопросы на эту тему, подсудимый ответил, что об истреблении славян говорил Гиммлер, а не он. Руденко в ответ указал на то, что в нацистской Германии имелся единый руководящий центр – Гитлер и его окружение, в том числе правая рука фюрера – Геринг. Мог ли Гиммлер самостоятельно давать указание об уничтожении славян, не имея санкции фюрера или его ближайшего соратника? (IMT. Vol. IX: 645)¹¹ Однако Геринг стоял на своем: *«Мне ничего неизвестно о таком указании или распоряжении»* (IMT. Vol. IX: 645).

Споры о том, насколько достоверно свидетельство Бах-Зелевского, велись в течение многих лет. Одним из главных скептиков в послевоенной Германии стал бывший сотрудник

⁸ Эрих фон дем Бах-Зелевский (1899–1972) – обергруппенфюрер СС, генерал СС и полиции, член НСДАП с 1930 г. Высший фюрер СС в Центральной России и Белоруссии. С октября 1942 г. руководил всей антипартизанской борьбой на Восточном фронте. В 1944 г. жестоко подавил Варшавское восстание. На Нюрнбергском процессе выступал в качестве свидетеля обвинения, чьи показания сыграли значительную роль в высечивании преступной роли вермахта. В 1951 г. был приговорен к 10 годам принудительных работ, однако наказание так и не отбыл. В 1961 г. приговорен к 4,5 года тюрьмы за убийство, совершенное во время «ночи длинных ножей». В 1962 г. приговорен к пожизненному заключению за убийство шести коммунистов, совершенное еще в 1933 г. Скончался в тюремной больнице 8 марта 1972 года.

⁹ В списке литературы см.: Trial of the Major War Criminals Before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945 – 1 October 1946 (IMT), Nuremberg, 1947–1949.

¹⁰ Допрос Эриха фон дем Бах-Зелевского 7 января 1946 года.

¹¹ Допрос подсудимого Геринга 21 марта 1946 года.

нацистского министерства пропаганды **Ганс Фриче**, оправданный на Нюрнбергском процессе. Слова генерала СС он толковал таким образом, что на самом деле Гиммлер всего лишь гипотетически оценил будущие потери русских от тяжелой и кровавой войны: *«Я буквально увидел, как под оптикой предвзятого обвинения прогнозы, сделанные Гиммлером, 30 миллионов предполагаемых им жертв войны, превратились в жертв преднамеренного убийства»* (Fritzsche, 1953: 95).

Конечно, подобная трактовка сразу вызывает вопрос, как мог рейхсфюрер СС предвидеть столь чудовищные жертвы, превышающие совокупные потери всех стран в Первой мировой, если по плану «Барбаросса» война против СССР должна была закончиться за несколько месяцев. Но этот вопрос Фриче никто не задал.

Справедливости ради скажем, что в Советском Союзе о показаниях Баха писали не лучше. Вместо того чтобы вести исследования по проверке их достоверности, советские авторы прибегали к пропагандистским подлогам. Так, писатель Аркадий Полторак – секретарь советской делегации на международном военном трибунале – в книге «Нюрнбергский эпилог» утверждал, что слова Баха подтвердил и Геринг, якобы заявивший: *«Гиммлер произнес речь в том духе, что тридцать миллионов русских должны быть истреблены»* (Полторак, 1965: 56). В реальности Полторак ловко переиначил истинные слова Геринга. Когда Руденко спросил его про «директиву Гиммлера об истреблении 30 миллионов», рейхсмаршал ответил: *«Это был не приказ, это была всего лишь речь»* (ИМТ. Vol. IX: 645). Сам он ее не слышал и слышать не мог, так как на встрече в Вевельсбурге не присутствовал и про заявление рейхсфюрера узнал только на суде.

Дискуссии относительно показаний Баха не ослабевают и по сей день. Так, современные российские историки Д. Жуков и И. Ковтун не слишком доверяют генералу СС, отмечая, что, «по мнению ряда исследователей», Бах искажил слова своего шефа. По их словам, *«борьбу с СССР эсэсовцы понимали как устранение “еврейско-большевистской системы”, использующей различные народы для сохранения своей власти, что в целом согласовывалось с общей тенденцией германской пропаганды на Восточном фронте... Вместе с тем, поскольку большинство коммунистов относилось к русским, украинцам и белорусам, война превращалась и в противостояние славянам. Однако это противостояние носило политическую, а не расовую (как в случае с евреями) окраску»* (Жуков, Ковтун, 2010: 99).

Их оппонентом в российской историографии выступил А.Р. Дюков, чья мощно написанная книга «За что сражались советские люди» (Дюков, 2007) и целый ряд других текстов, в том числе вступительных статей к сборникам документов о преступлениях нацизма (Дюков, 2020; Дюков, 2011), ставят вопрос о признании оккупационной политики геноцидом советского народа. Дюков полагает, что свидетельства Бах-Зелевского достоверны, так как согласуются и с жесткими расистскими заявлениями верховных нацистов, и с последующим ходом войны, вовсе не похожей на «рыцарскую» и «благородную». *«Тридцать миллионов подлежащих уничтожению советских граждан – такими... были поставленные перед рейхсфюрером СС “специальные задачи”, – пишет исследователь. – Никогда в истории человечества не планировалось столь масштабных злодеяний; неудивительно, что чудовищную цифру намеченных для уничтожения невинных людей нацистское руководство не осмелилось доверить бумаге, даже будучи полностью уверенным в предстоящей победе». Цель этого геноцида – «расчистка “жизненного пространства” на Востоке, обезлюживание советских земель»* (Дюков, 2007: 73).

Ключом к разрешению спора может стать вопрос, который следовало задать еще на Нюрнбергском процессе, но, к сожалению, так и не прозвучавший в зале суда: почему в цитированной генералом СС речи Гиммлера фигурировали именно «тридцать миллионов»? Откуда взялось это число? То, что оно не случайно, доказывается фактом, который стал известен еще в 1940-х гг., но в тот момент не подтолкнул исследователей к дальнейшим поискам.

В 1946 г. были опубликованы записи министра иностранных дел Италии графа Галеаццо Чиано. Согласно его заметкам, Геринг, так ловко изображавший перед высоким судом полное неведение, сказал дипломату союзной державы 25 ноября 1941 г.: *«В этом году в России умрет от голода от 20 до 30 миллионов человек. Может быть, даже хорошо, что так произойдет; ведь некоторые народы необходимо сокращать»* (Ciano's diplomatic papers..., 1948: 464). Таким образом, и Гиммлер, и Геринг независимо друг от друга называли практически одно и то же число жителей оккупированных советских территорий, которые должны были умереть. Такое единомыслие верховных вождей Третьего рейха, очевидно, не могло быть случайным.

* * *

Мысль о том, что русских «слишком много» и эта масса сама по себе угрожает целям Германии в Европе, циркулировала среди немецких националистов еще в ходе Первой мировой войны. Так, в 1914 г. влиятельная шовинистическая организация – Пангерманский союз – выступила с откровенным меморандумом, в котором говорилось: *«Русского врага» необходимо ослабить путем сокращения численности его населения и предотвращения в дальнейшем самой возможности ее роста, чтобы он никогда в будущем не был бы в состоянии аналогичным образом угрожать нам»* (Айххольц, 2002: 63). Однако тогда мнение праворадикальных кругов все же не возводилось в ранг государственной политики. Уверенный поворот в эту сторону был сделан уже при Гитлере.

30 марта 1941 г. Гитлер известил командование вооруженных сил, что поход на Восток будет серьезно отличаться от кампании на Западе. Краткий конспект двухчасового выступления фюрера, составленный генералом **Францем Гальдером** по горячим следам, зафиксировал такие установки вождя нацистов: *«На Востоке суровость – это милосердие ради будущего. Командиры обязаны требовать жертв от самих себя, преодолевать все сомнения»* (1941 год..., 1998. Кн. 1: 807). Грядущую войну, по словам диктатора, следовало вести на уничтожение (1941 год..., 1998. Кн. 1: 807). В тот день фюрер заявил, что две категории советских граждан подлежат физическому истреблению: большевистские комиссары и коммунистическая интеллигенция.

Но глава рейха поделился с военными отнюдь не всеми планами. После разгрома противника нацисты не собирались создавать новую, небольшевистскую Россию; они, в полном соответствии с предшествующей пропагандой, шли на Восток за «жизненным пространством». К 1941 г. в Советском Союзе проживало 198 млн 712 тыс. человек, причем за последние предвоенные годы это число росло в основном за счет снижения смертности (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 189. Л. 19–20)¹². В рейхе было всего девяносто миллионов немцев, и окружение фюрера это соотношение категорически не устраивало (BA NS 19/4008)¹³. Нацистов, как и их предтеч тридцатью годами ранее, пугала громадная численность восточных соседей, в самом факте которой виделась угроза германской гегемонии в Европе. Кроме того, логика поселенческого колониализма, планы массового переселения избытка немцев на Восток подводили гитлеровцев к мысли, что на захваченных землях им придется планомерно менять соотношение германского и местного населения в пользу первого.

В свете этого необходимо обратить внимание на то, что сразу после подписания плана «Барбаросса» руководство Германии потребовало от нацистской медицины найти способ быстрого, дешевого и незаметного способа стерилизации крупных людских масс. Первые опыты по тайному провоцированию бесплодия с помощью облучения были проведены на узниках

¹² Справка о численности населения СССР на 1 января 1941 г. (22 апреля 1941 г.).

¹³ В частности, об этом напоминал офицерам СС Гиммлер в речи 13 июля 1941 г. в Штеттине: *«Мы не должны забывать: их там 200 миллионов, а нас всего лишь почти 90 миллионов»*.

Освенцима под руководством оберфюрера СС **Виктора Германа Брака**: пока люди заполняли анкету у конторки, их незаметно обрабатывали рентгеном. Уже 28 марта 1941 г. рейхсфюрер СС получил первый, довольно оптимистичный отчет. По словам личного референта Гиммлера Рудольфа Брандта, его шеф был очень заинтересован в этих экспериментах и жаждал получить инструмент, *«который можно было бы применить против врагов Германии, таких как русские, поляки и евреи... Рабочая сила стерилизованных людей могла бы эксплуатироваться Германией, в то время как угроза их размножения была бы пресечена. Эта массовая стерилизация была фрагментом гиммлеровского расового учения; часть его времени и забот были посвящены этим опытам...»* (Brandt).

Первые исследования, однако, выявили нежелательные побочные эффекты: облученные в Освенциме люди начинали болеть и умирали. В СС же стремились овладеть методом, который не сказывался бы на трудоспособности жертв: иными словами, рейху нужны были бесплодные рабы. Поэтому специалисты «черного ордена» искали другие способы достичь желаемой цели. Осенью 1941 г. Гиммлер получил письмо от провинциального врача из судетского города Комотау **Адольфа Покорного**, который предложил использовать для массовой стерилизации сок южноамериканского растения каладиум. *«Если, – рассуждал Покорный, – стало бы возможно производить препарат, который через небольшое время после его приема незаметно лишает человека возможности иметь потомство, то в нашем распоряжении оказалось бы новое могущественное оружие. Мысль о том, что три миллиона большевиков в нашем плену могут быть стерилизованы – то есть не сумеют продолжать род, но сохраняют работоспособность, – открывает богатейшие перспективы»* (Pokorny – Himmler...). Почему скромный доктор из медвежьего угла был уверен, что всесильному шефу СС будет интересна его идея? На допросе Покорный показал, что о программе поиска способов массовой стерилизации он узнал от пациента – высокопоставленного офицера СС или СД по фамилии Фойт¹⁴. Этот чин, увидев на столе у врача медицинский журнал со статьей о возможностях каладиума, сказал доктору, что о подобных вещах следует известить Гиммлера. *«Он исходил из того посыла – я не знаю, это была его собственная идея или он сообщал мне это как известия из Берлина, – но он сказал, что у немецкой семьи в среднем было два ребенка, тогда как у славянского народа – восемь-двенадцать детей. Его замечание подводило к мысли, что Гиммлер хотел применить эту массовую стерилизацию к различным общностям, особенно к славянам»* (Transcript for NMT 1...). Глава СС действительно прочитал меморандум Покорного с большим интересом и отдал приказ начать исследования с каладиумом. За ходом этих работ он следил в течение всего 1942 г., пока не убедился в их провале. В дальнейшем его внимание вновь привлекли опыты по стерилизации с радиацией и кислотами (Яковлев, 2020).

Естественно, активный поиск методов провокации бесплодия был запущен с ведома и одобрения фюрера. Осенью 1941 г. Гитлер прямо заявил одному из своих ближайших союзников, вице-премьеру и министру иностранных дел Румынии **Михаю Антонеску**: *«Моя миссия, если мне удастся, – уничтожить славян»*. Собеседник на это заметил, что *«славянские народы являются для Европы не политической или духовной проблемой, а серьезным биологическим вопросом, связанным с рождаемостью в Европе. Этот вопрос должен быть серьезно и радикально разрешен... По отношению к славянам необходимо занять непоколебимую позицию»*. Это, как свидетельствует протокол встречи, нашло полное понимание у Гитлера: *«Вы правы, славянство представляет собой биологический вопрос, а не идеологический... В будущем в Европе должны быть две расы: германская и латинская. Эти две расы должны сообща работать в России для того, чтобы уменьшить количество славян. К России нельзя подходить с юридическими или политическими формулами, так как русский вопрос гораздо опаснее,*

¹⁴ По нашей версии, этим пациентом мог быть Пауль Шмитц-Фойт, член НСДАП и СС с 1933 г., начальник уголовной полиции Мюнхена, до этого занимавший аналогичный пост в Праге.

чем это кажется, и мы должны применить колонизаторские и биологические средства для уничтожения славян» (Левит, 2005: 216)¹⁵.

Наиболее пространный нацистский документ, который отразил намерения сокращать коренные народы Востока, – записка статс-секретаря министерства оккупированных восточных территорий **Эрхарда Ветцеля** «Предложения и замечания по плану “Ост”», составленная в апреле 1942 г. Это своего рода рецензия на один из черновиков плана послевоенного освоения захваченных территорий – «Генерального плана “Ост”», составленного в недрах СС. Символично, что хотя восточное министерство всегда было менее радикальным, чем ведомство Гиммлера, однако и оно призывало осуществить геноцид русских.

«В этих областях мы должны сознательно проводить политику на сокращение населения», – утверждал Ветцель. – Средствами пропаганды, особенно через прессу, радио, кино, листовки, краткие брошюры, доклады и т. п., мы должны постоянно внушать населению мысль, что вредно иметь много детей». Статс-секретарь предлагал убеждать «туземцев» в опасности деторождения для здоровья, широко рекламировать противозачаточные средства, добровольную стерилизацию и аборт, а также «не допускать борьбы за снижение смертности младенцев, не разрешать обучение матерей уходу за грудными детьми и профилактическим мерам против детских болезней». «Следует сократить до минимума подготовку русских врачей по этим специальностям, не оказывать никакой поддержки детским садам и другим подобным учреждениям» (Дашичев, 1973: 38). Еще одним красноречивым пунктом программы было поощрение разводов, отсутствие поддержки внебрачных детей и привилегий для многодетных.

«Для нас, немцев, – писал Ветцель, – важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе. Этой цели мы можем добиться вышеуказанными путями» (Дашичев, 1973: 38).

Записка Ветцеля является характерным проявлением нацистских умонастроений относительно «восточного населения». Однако в советской историографии ей отводилось крайне преувеличенное место. Этот документ часто и совершенно необоснованно пытались представить базовым руководством к действию, в соответствии с которым Третий рейх вел против СССР кровавую «войну на уничтожение». Между тем из его текста совершенно ясно, что речь в нем идет о планах на послевоенное будущее. Апогеем подмены смыслов, связанных с «замечаниями» Ветцеля, стали пассажи из работы «Империя смерти» Д. Мельникова и Л. Черной, которые к тому же утверждали, что истинным автором злодейских предложений был лично Генрих Гиммлер, а Ветцель лишь записал его идеи (Мельников, Черная, 1987: 304–366). Таким образом, сказанное в тексте – не рекомендация высокопоставленного чиновника, а директива одного из имперских лидеров! Такой трактовки не допускает ни один источник. Гиммлеру в

¹⁵ Есть и более раннее свидетельство такого рода. Глава сената вольного города Данцига Герман Раушнинг писал, что накануне войны Гитлер предполагал «разработать технику истребления народов». Он говорил: «Вы спросите: что значит “истреблять народы”? Подразумеваю ли я под этим истребление целых наций? Конечно. Что-то в этом роде, все к тому идет. Природа жестока, и нам тоже позволено быть жестокими. Если я брошу немцев в стальную бурю грядущей войны, не жалея драгоценной немецкой крови, которая прольется в этих битвах, то я тем более имею право истребить миллионы неполноценных, плодящихся подобно насекомым – не уничтожая их, а всего лишь систематически препятствуя их природной плодовитости... Существует много методик, чтобы последовательным и относительно безболезненным путем, без большого кровопролития, довести нежелательный национальный элемент до вымирания». По свидетельству Раушнинга, такой же разговор он слышал между фюрером и министром сельского хозяйства **Рихардом Вальтером Дарре**. Министр заявил, что после покорения Востока «первая задача – подорвать славянскую плодовитость. Вторая – создать и прочно укоренить немецкий класс господ. Вот внутренний смысл “восточной территориальной политики”». (Раушнинг, 1993: 111, 44). Гитлер был полностью с этим согласен. Многие авторитетные историки, такие как Ян Кершоу, скептически относятся к книге Раушнинга, полагая, что он много выдумывал от себя. Эта точка зрения вполне справедлива, однако в тех моментах, которые подтверждаются независимыми источниками, текст данцигского политика не стоит сбрасывать со счетов. По словам одного из британских патриархов изучения Третьего рейха Хью Тревор-Ропера, «общий тон его (Раушнинга) записей слишком точно предсказывает более поздние высказывания Гитлера, чтобы от них можно было легко отмахнуться, назвав фальсификацией» (Trevor-Roper, 2000).

принципе не было нужды привлекать человека из другого – в некоторой степени конкурирующего! – ведомства для записи своих мыслей, ведь у него был собственный секретариат. Остается только гадать, что послужило основанием для столь странного вывода историков – грубая ошибка или желание резко повысить статус «замечаний и предложений» для подгона под изначальный тезис.

Подобные натяжки в постсоветское время привели некоторых авторов к радикальному ревизионизму. Так, популярный исторический публицист Марк Солонин сначала констатирует, что текст Ветцеля не имел отношения к событиям 1941 г., а потом прямо пишет про *«несуществующий план геноцида русского народа»*, который стремилась и стремится найти *«коммунистическая и современная неосталинистская историческая пропаганда»* (Солонин, 2011: 302).

Между тем план геноцида народов СССР подробно изложен в другом документе, написанном не в апреле 1942 г., а в мае 1941-го. Речь идет о «директивах по экономической политике», изданных экономическим штабом «Ост». Судьба их удивительна. Они были найдены в бумагах Верховного командования германских вооруженных сил и фигурировали уже на Нюрнбергском процессе как документ ЕС-126, представленный американской стороной. Обвинитель от США Уитни Харрис охарактеризовал его так: *«На страницах этого документа раскрывается заранее разработанный план убийства миллионов невинных советских граждан путем голодной смерти. В документе ясно указано, что убийство миллионов невинных было преднамеренным. Документ показывает, что этот план убийства должен был проводиться в таком огромном масштабе, что превосходил все границы человеческого представления»* (Нюрнбергский процесс..., Т. 4: 282)¹⁶.

С этими словами можно вполне согласиться: тем поразительнее, что эти красноречивые директивы до сих пор полностью не переведены на русский язык. Первая публикация более-менее пространных извлечений из них состоялась только в 1987 г. в сборнике «Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза», причем большая часть текста была опущена, в том числе исчезла одна из самых людоедских фраз (*«Многие десятки миллионов на этой территории станут излишними и умрут либо будут вынуждены переселиться в Сибирь»*) (Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза..., 1987: 250–254)¹⁷. Абзац, где она находится в оригинале, был опубликован без этого предложения и даже без отточия перед вырезанным фрагментом. Второй раз на русском языке отрывки из «Директив» увидели свет в 1991 г., в 4-м томе издания материалов Нюрнбергского процесса, но не как отдельная публикация, а внутри речи У. Харриса, который цитировал ее перед высоким судом (Нюрнбергский процесс..., Т. 4: 282). Неудивительно, что этот важнейший текст оставался и до сих пор остается практически не востребованным в отечественной историографии. Между указанным документом, речью Гимmlера в Вевельсбурге и словами Геринга, сказанными Чиано, существовала прямая и четкая связь.

* * *

Размышляя о будущей войне, нацистские вожди неизбежно обращались к опыту Первой мировой. Гитлеровские бонзы были особо озабочены вопросом продовольственных ресурсов, которых в свое время не хватило кайзеровской Германии в условиях Британской морской блокады. Память об этом была сильна в немецком обществе и подвигала власти предрежащие к

¹⁶ Из выступления представителя обвинения от США С. Гарриса. В инициале обвинителя допущена ошибка – на самом деле обвинителя звали Уитни Робсон Гаррис (1912–2010).

¹⁷ Общие указания группе сельского хозяйства экономической организации «Ост» по планируемым мероприятиям на территории Советского Союза. Характерно, что редакторы сборника даже не поставили читателей в известность, что публикуют весьма сокращенную версию текста.

мысли, что допустить повторения пищевого кризиса нельзя ни в коем случае. Это осознание отлилось в чеканный афоризм Геринга: *«Если кому-то придется голодать, то это будут не немцы...»* (Туз, 2019: 693).

Между тем по мере развертывания Второй мировой войны *«баланс пропитания Германии склонялся к минусу»* (Ганценмюллер, 2012: 64). Уже в мае 1940 г., еще до взятия Парижа, на стол Гитлера лег тревожный доклад статс-секретаря министерства продовольствия **Герберта Бакке**. Чиновник сообщал, что в связи с тем, что Британия вновь перерезала морские пути снабжения из-за океана, примерно 17,2 млн жителей Германии недополучат в этом году продукты, к которым они привыкли. В следующем докладе Бакке заметил, что если блокада продолжится, то покрыть недостатки зерна в рейхе сможет только Советский Союз. Впрочем, он усомнился, что в данный момент в СССР существуют излишки, какие в свое время экспортировала царская Россия, ведь с начала XX в. население этой страны значительно выросло, причем радикально увеличилось население городов, поглощающих былые излишки.

10 января 1941 г. в канцелярию фюрера пришел новый доклад Бакке с сообщением, что в наступившем году зерновой дефицит составит около 12–13 млн т. Спустя три дня на встрече со статс-секретарем Управления по четырехлетнему плану **Эрихом Нойманом** Бакке рекомендовал также сократить мясные рационы немцев (что и будет сделано 2 июня).

Очевидно, что-то в докладах Бакке привлекло Гитлера, и амбициозный статс-секретарь был приглашен в конце января в резиденцию Берхгоф на встречу с фюрером. Стенограммы их беседы нет, но смотрины явно удались: после аудиенции Бакке стал зримо влиятельнее своего номинального шефа – министра **Рихарда Вальтера Дарре**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.